

Виктор Алеветдинов
Виктория Ончукова

Река забытых адресов

Следствие ведут духи

Книга 10

— Уютный мистический детектив —

Виктор Алеветдинов

**Книга 10. Следствие ведут
духи. Река забытых адресов**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Книга 10. Следствие ведут духи. Река забытых адресов /
В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Весенний паводок приносит к мосту адресную табличку «Набережная, 17» — и снова толкает её против течения к одной и той же опоре. На официальной карте такой улицы нет. В списках эвакуации тоже всё спокойно: баня числится жилым домом, за сарай отвечает умерший хозяин, а настоящие люди исчезли вместе со своими адресами. Вера, Олеся и Настасья Петровна начинают сверять карты, архивы и живые дома. Но вода поднимается быстрее, чем чиновники исправляют ведомости. За забытыми улицами обнаруживается старое русло и решение, из-за которого деревни должны заплатить за безопасность нового городского квартала. Теперь героиням предстоит не только доказать ошибку, но и успеть вывести людей до того, как закроется последний мост. Финал серии о том, как вернуть человеку место на карте — и не присвоить право решать за него.

Содержание

Глава 1. Табличка против воды	5
Глава 2. Сарай с ответственным	10
Глава 3. Улица, которой нет	16
Глава 4. Анфисин список	22
Глава 5. Семнадцатый адрес	28
Глава 6. У воды своя карта	34
Глава 7. Малонаселённый сектор	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Виктория Ончукова, Виктор Алеветдинов

Книга 10. Следствие ведут духи. Река забытых адресов

Глава 1. Табличка против воды

Телефон подпрыгнул на кухонном столе и едва не лёг экраном в чашку. Я успела поймать его у самого края. На экране была фотография, присланная Настасьей Петровной: мокрая синяя табличка лежала у бетонной опоры моста. От названия улицы осталась тёмная полоса, зато две белые цифры читались прекрасно — 17. Под фотографией стояло короткое сообщение: «Позвони».

На ноутбуке ждал городской материал. Редактор дважды напомнил о сроке. Я обещала закончить текст к полудню и до этой минуты верила своему обещанию.

Я позвонила Настасье Петровне. Она ответила.

— Ты фотографию открыла?

— Открыла. Табличка после оттепели. Их сейчас из каждого сугроба понесёт.

— Эту понесло не туда.

Я отодвинула чашку от телефона. За окном вода стекала с крыши по железному отливу. Весна началась с грязи и спешки.

— Куда именно?

— Против воды. Потом к правой опоре. Три раза ударились в одно место.

— Там может быть обратное течение.

— Может.

Я ждала продолжения. Обычно при таком спокойном согласии Настасья Петровна предлагала мне самой проверить всё, что я только что уверенно объяснила. На этот раз она молчала.

— И что ты думаешь? — спросила я.

— Не знаю.

Ответ оказался настолько непривычным, что я посмотрела на имя на экране. Звонила действительно Настасья Петровна.

— Совсем?

— Совсем. Поэтому приедь и посмотри. Только сначала попроси Матвея снять мост нормально. Он уже снял воду так близко, что по записи можно изучать одну льдину и его палец.

— Матвей там?

— На другом берегу. У него каникулы начались раньше совести.

В трубке послышался стук. Настасья Петровна велела убрать багор и вернулась к разговору.

— У нас районное сообщение пришло, — добавила она. — Пишут, деревне пока ничего не грозит. Народ прочитал и сразу пошёл смотреть, почему тогда вода у моста прибавилась.

Я попросила прислать районное сообщение. Настасья Петровна ответила, что приложение у Олеси зависло и уведомление пришлось искать в районном чате.

Я попросила не трогать табличку и позвонила Матвею. Он ответил видеосвязью. В кадре качалось серое небо, потом появилась половина его лица в капюшоне.

— Вера Сергеевна, там реально очень странно.

— Сначала сделай запись, по которой это можно проверить. Встань выше моста. Сними оба берега, опоры и воду перед ними. Одним файлом, без остановок и приближения.

Я попросила оставить звук и назвать в начале время. Матвей кивнул, глядя в экран.

— Выложить запись потом можно?

— Нет.

— Я так и думал.

— Поэтому спросил после того, как уже придумал заголовок?

Матвей отвёл взгляд. В кадр вошла правая опора, и это послужило ответом.

— Сними для проверки, — сказала я. — До отправки файла ничего не публикуй и не называй адрес.

— Я в прошлый раз понял.

Он произнёс это без обиды. В прошлый раз чужая беда едва не стала для него удачным роликом. Матвей сперва спрашивал разрешение и лишь потом расстраивался. Для его возраста это была серьёзная реформа.

Через семь минут пришло видео. Матвей начал с часов на телефоне, показал оба берега и мост целиком. Мелкие ветки уходили под мост и появлялись с другой стороны. В том же направлении двигалось всё, кроме синей таблички.

Вода подхватила её у ледяной кромки и понесла к мосту. Возле правой опоры табличка остановилась. Затем двинулась обратно, хотя ветка рядом продолжала уходить вниз по течению. Синий край коснулся бетона, отскочил и снова ударился.

Матвей не приближал изображение: в кадре оставались берег и поток, следов монтажа не было. Обратная струя могла объяснить поворот таблички, но не два касания одной точки.

Я пересмотрела запись, останавливая её на каждом повороте таблички. Ветки шли дальше, синяя эмаль возвращалась к опоре. На обороте темнели две полосы от старых креплений.

Сообщение Олеси я заметила только во время четвёртого просмотра: «У нас, оказывается, всё прекрасно. Прилагаю доказательство районного масштаба».

К сообщению были прикреплены уведомление и карта ранней эвакуации. Район сообщал, что уровень воды контролируется и дополнительных мер в деревне N не требуется. На карте нижняя улица обрывалась возле моста. Дальше шёл пустой участок.

Я увеличила фотографию. Под грязью проступил конец названия улицы: «...режная, 17».

На стуле у стены лежала папка по делу Саиды. После него слово «разобрать» означало «переложить бумаги на другой стул». Копию карты из ложного дна чемодана она разрешила оставить у меня. Имена были закрыты, адреса нельзя было опубликовать без согласия.

Карта раскрылась по старому сгибу. Синяя линия шла от деревни K через N к городскому берегу. Возле старого протока я нашла нужную строку: «Набережная, 17».

Я сообщила Настасье Петровне, что адрес есть на карте из чемодана. Она знала про него, но напредила: табличка могла приплыть от дачи, а Матвей умел снять реку в любом направлении. Проверять всё равно следовало на месте.

Я закрыла ноутбук. Редактор получил честное сообщение, что материал задержится до вечера. В ответ пришло: «До какого именно вечера?» Я написала: «До сегодняшнего», и на этом моя профессиональная смелость закончилась.

Тишка сел рядом с папкой. Мистической тревоги он не проявлял: его интересовало место, которое освободилось на стуле.

Через двадцать минут карта лежала в сумке, сапоги — в багажнике. Городской текст остался в закрытом ноутбуке, а обещанный спокойный день закончился раньше, чем начался.

Короткий проезд к деревне перекрыла вода. Она шла через асфальт широким слоем и скрывала край обочины. Перед затопленным местом стоял лёгкий барьер с надписью «Проезд закрыт». Навигатор по-прежнему направлял меня прямо.

Я остановилась у съезда на старую гравийную дорогу. По ней можно было объехать низину, но за зиму там появилась глубокая колея. Прежде чем решить, что хуже для машины, я позвонила Олеся.

Она ответила на второй гудок. На фоне работал фен.

— Только не говори, что ты уже у моста, — сказала она.

Я объяснила, где остановилась. Олеся велела ехать через старый поворот: утром там прошёл трактор, а возле берёзы надо было объехать размытую яму.

— Ты сейчас в салоне?

— Да. До шести я на связи по деревне. После шести у меня клиентка, которую я переносила дважды. Если вода не войдёт к ней в дом, третий раз переносить не буду.

Я согласилась. Олеся посоветовала записать эту мысль: вдруг пригодится.

Олеся выключила фен, и стало слышно, что рядом с ней говорят несколько женщин. Она вышла в другую комнату и прикрыла дверь.

— Я посмотрела карту из уведомления, — продолжила она. — Нижняя улица заканчивается на двенадцатом доме.

— В навигаторе тоже.

— А в жизни не заканчивается. После двенадцатого стоят ещё дома. Не все жилые, но Николай Фомич там круглый год.

Я открыла районный файл на телефоне. На светлом поле за номером двенадцать действительно ничего не было.

В списке ранней эвакуации Николая Фомича не было. Зато нашлась соседская баня.

— Баня как место размещения?

— Как жилой дом. Число жильцов не указано. Видимо, людей не нашли, а строение в списке оставили.

Я невольно рассмеялась, но Олеся не поддержала. В её паузе уже не было ничего смешного.

— Вера, Николай Фомич ходит с тростью. Лодка у него исправная, голова тоже. Только если ему сообщат позже остальных, лодка не очень поможет.

Смех закончился. Я сохранила список отдельно и нашла строку с баней. Напротив строения стояла отметка о постоянном проживании. Фамилии Николая Фомича не было ни в одном разделе.

— Может, его дом оформлен сезонным.

— Может. Он от этого зимой не исчезает.

— Я быстро разберусь.

— Не обещай быстро, пока не увидишь ведомость целиком. Я уже нашла сарай с назначенным ответственным. Человек там не живёт, но за паводок отвечает.

— Кто назначен?

— Хозяин умер четыре года назад. Видимо, поэтому не возражал.

Олеся назвала номер дома. Я записала его рядом с баней, потом спросила, сколько людей постоянно живёт ниже двенадцатого.

— По памяти семеро, — ответила она. — Но память в официальный запрос не приложишь. Настасья Петровна собирает имена. Я проверяю, кому можно звонить и что записывать. Без согласия сведения о здоровье никому не отправляем.

— Я только про список эвакуации.

— В таких списках очень быстро появляется графа «состояние». Потом её пересылают дальше вместе со всем остальным. Поэтому сначала спрашиваем.

Она говорила спокойно, но я услышала границу. Раньше Олеся могла принять десяток звонков, отменить работу и ещё извиниться, что отвечает не сразу. Она назвала время, до которого готова помогать, и условия сбора сведений. Мне оставалось не превращать её ясность в препятствие.

— Хорошо. Собирай только адрес и подтверждение, что человек живёт постоянно. Остальное — с согласия.

— Уже собираю. И ещё: у Николая Фомича телефон иногда лежит в снях. Если не ответит, не объявляй его пропавшим.

— Постараюсь пережить первые три минуты неизвестности.

— Начни с двух. Для тебя это достойный результат.

Связь прервалась, когда за поворотом дорога ушла вниз. Пришлось убрать телефон и вести машину по колее, которую оставил трактор. В одном месте вода подступила к колёсам, но дно просматривалось. Я проехала медленно, не выезжая на размытую сторону.

Через несколько минут на экране маршрута появилась деревня. Нарисованная улица закончилась у дома номер двенадцать. За ним тянулись заборы, над одним двором поднимался дым, а у ворот стояла расчищенная от снега дорожка. На экране машина ехала по пустому месту.

Я остановилась и сделала снимок экрана вместе с настоящими домами впереди. Утром табличку ещё можно было принять за мусор в обратной струе. Ошибка на карте означала, что Николая Фомича могли предупредить позже остальных.

У моста меня встретила Настасья Петровна. На ней были высокие сапоги и старая куртка, застёгнутая до подбородка. Она не спросила про дорогу и не сказала, что предупреждала. Просто показала на правую опору.

— Там.

У ограждения стояли трое жителей. Один мужчина принёс багор и предлагал вытащить табличку, пока её не унесло. Женщина в платке считала, что трогать находку нельзя, потому что вода «сама принесла, сама и решит». Третий участник разговора по очереди соглашался с обоими и поэтому выглядел самым занятым.

— Багор уберите, — сказала Настасья Петровна. — Лёд подломите и сами туда съедете.

— А оставить? — спросил мужчина. — Унесёт.

— Сначала снимем место. Потом участковому позвоним.

Женщина в платке посмотрела на меня. Она явно ждала ответа от приезжей.

— Это предупреждение?

— Пока это табличка в воде, — ответила я.

— А Настасья Петровна что говорит?

— То же самое, — сказала она. — Я с рекой договоров не заключала.

Женщина поджала губы, но от ограждения отошла. К воде она больше не подходила.

Синяя табличка застряла под кромкой льда возле опоры. Над водой оставался угол с цифрой семь. На бетоне, чуть выше, виднелась свежая царапина. Царапина находилась на высоте края таблички. Я сфотографировала общий план, затем опору и лёд, не приближаясь к ограждению.

Матвей позвонил сам. В трубке шумела вода.

— Я могу снять с другого берега. Там место выше.

— Снимай общий план. Запись оставь у себя и пришли мне. В прямой эфир не выходи.

— Я уже не выхожу.

— Поэтому я и попросила тебя.

Он помолчал. В кадре качнулся край капюшона.

— Понял.

На другом берегу показалась фигура в чёрном капюшоне. Матвей установил телефон на маленький штатив. Я сверила время и записала его в блокнот. Ветер шёл вдоль моста. По воде вниз двигалась полоска пены. Под опорой мог образоваться водоворот, и я готова была принять эту версию до проверки у специалиста.

Лёд хрустнул. Мужчина с багром шагнул к ограждению, но Настасья Петровна остановила его рукой.

Кромка льда отломилась сама. Табличка освободилась, качнулась и пошла вниз вместе с пеной. Через несколько секунд её развернуло. Один край поднялся над водой, и с обратной стороны показались ржавые крепления. Табличка остановилась, затем медленно вернулась к правой опоре.

Удар был негромким, но все у моста замолчали. Синий край попал в свежую царапину. Вода оттолкнула табличку, понесла вниз и развернула. Ветка рядом прошла под мостом. Полоска пены растянулась дальше. Табличка второй раз коснулась бетона на той же высоте.

— Водоворот, — сказал мужчина с багром. Уверенности в его голосе стало меньше.

— Возможно, — ответила я. — Но пока не трогаем.

В блокноте появилось время двух ударов. Отдельно я записала, куда шли ветер и пена. Измерить скорость течения на глаз я не могла. Пока было ясно одно: табличка шла против общего потока и возвращалась к правой опоре.

— Набережная, семнадцать, — прочитала женщина в платке, когда табличка повернулась лицом вверх. — У нас такой улицы нет.

— На старой карте есть, — сказала я. — Но не здесь. Адрес ещё надо проверить.

Настасья Петровна кивнула. Она не стала объяснять, зачем река принесла городской адрес к деревенскому мосту. Ещё год назад ей было бы трудно оставить вопрос без ответа. Сейчас она первой напомнила мне позвонить участковому и не лезть за находкой.

Мы отошли к дороге. Я отправила Матвею сообщение, чтобы он сохранил исходный файл и никому не пересылал. Затем сравнила его новый общий план с утренней записью. Табличка возвращалась к одной точке на правой опоре. Царапина подтверждала, что это случилось и до нашего приезда.

— Здесь ещё синее, — сказала Олеся за моей спиной.

Она подошла от деревни пешком и теперь показывала на камыши ниже моста. Между мокрыми стеблями лежал прямоугольный предмет. Я смотрела на воду у опоры так долго, что не заметила его в нескольких метрах от себя.

Мужчина оживился, но Настасья Петровна забрала у него багор раньше, чем он успел предложить помощь. До второй таблички можно было дотянуться с берега обычной палкой. Олеся нашла длинную ветку, подцепила край и осторожно подтянула находку по мокрой траве.

Эмаль оказалась зелёной, почти чёрной от ила. Олеся полила её водой из бутылки. Под грязью появились белые буквы: «Речная, 18».

— Дом Николая Фомича, — сказала она.

Я открыла карту ранней эвакуации. Речная улица обрывалась после номера двенадцать. Восемнадцатого адреса в списке не было, фамилии хозяина — тоже.

— Он сейчас дома? — спросила я.

— Дома. Утром печь топил, я дым видела. Потом к лодке ходил.

— Почему тогда пустой?

— Наверное, проверяющие к нему зимой не заходили, — ответила Олеся.

Шутка получилась короткой. На зелёной табличке сохранились отверстия от старых винтов, а на обороте темнел след дерева. Она не походила на новую вывеску или вещь, которую утром бросили у моста ради чужого испуга.

Затем мы перечитали районную ведомость. В ней дом Николая Фомича числился сезонным, а в эвакуационном списке его не было.

Мы пошли к нижней улице сравнивать ведомость с настоящими домами. За поворотом над забором Николая Фомича поднимался дым, а на карте этот двор оставался пустым. Первым адресом нашей проверки стала Речная, 18.

Глава 2. Сарай с ответственным

На кухонный стол легли три ведомости, и адрес Речная, 18 успел трижды изменить вид. В районной выписке дом числился сезонным. На карте ранней эвакуации улица заканчивалась раньше, поэтому Олеся нашла фамилию Николая Фомича лишь в списке жителей. Рядом было написано: «Живёт постоянно».

У первых ворот Олеся свернула к своему дому: в салоне ждала обещанная клиентка. Мы с Настасьей Петровной поговорили у двух дворов и вернулись на её кухню в сумерках. За нами пришли жители. Олеся присоединилась после работы, не отменив встречу и не извиняясь за это. Каждый принёс свою бумагу и был уверен, что именно она настоящая.

Настасья Петровна велела входить по двое и снимать сапоги. Женщина в тёмном платке пообещала, что люди ненадолго. Хозяйка дома заметила: перед ночными посиделками все обещают то же самое.

Олеся принесла из шкафа чашку с красными яблоками и поставила у края стола. Я спросила, почему бумаги надо складывать к чашке.

— Сюда складываем всё по нижней улице.

Олеся объяснила: чашку хорошо видно, и её нельзя сохранить под названием «новая таблица окончательная два». Такой довод трудно было оспорить.

Я открыла ноутбук, но возражать не стала. В моих папках жили «окончательная», «окончательная новая» и «точно окончательная». Ни одна не заслуживала доверия больше чашки.

Жители называли настоящим документ, совпадавший с их двором. Я пометила источник каждой строки. Настасья Петровна дала мне красный карандаш и велела писать названия полностью. Сокращение районного отдела она прочитала как название удобрения и потребовала расшифровать автора.

Олеся добавила две чашки. К синей полосатой отправлялись сведения о машинах. Возле чашки с жёлтыми цветами лежали листы с ответственными за строения. Через несколько минут порядок стал понятен: человек мог не знать название файла, но показывал, к какой чашке отнести лист.

В районном приложении дома были записаны по адресам. Транспортная ведомость оставляла номера без улиц, а документ об ответственных учитывал строения отдельно. Поэтому один сарай мог оказаться домом или номером без пояснения.

Я отсортировала электронные строки по номеру и получила два восемнадцатых дома. Один стоял рядом с Речной улицей, второй программа отправила в конец таблицы под словом «нижняя». Если убрать повтор автоматически, исчезал один настоящий источник. Олеся тем временем положила обе бумажные строки под яблочную чашку и не потеряла ни одной.

Я признала, что система Олеси надёжнее: она не удаляла людей из-за сходства номеров. Я отключила удаление повторов. Таблица стала менее аккуратной, зато расхождения остались видны.

Олеся взяла строку «нижняя, уч. 018» и подвинула к яблочной чашке.

— Это Николай Фомич?

— Он, — ответили сразу двое.

— А «Речная-18»?

— Тоже он.

— Тогда почему здесь пусто?

Женщина в платке наклонилась над таблицей. Она нашла нужный номер.

— Потому что в этой бумаге улица кончилась на двенадцатом доме. Остальных не внесли, а живём мы всё равно здесь.

Я отметила источник каждой строки. Если адреса загружали из разных программ, часть записей могла не совпасть при автоматическом объединении. Для компьютера «Речная, 18» и «нижняя, участок 018» были разными местами. Такая ошибка выглядела глупо, но была вполне объяснимой.

Документы использовали разные формы адреса. Район мог соединить источники без общего правила, а карта сохранила старую длину дороги. Оставалось найти исполнителя.

— Значит, не подтянулись номера, — предложила я. — Составим таблицу соответствий, отправим в район и попросим повторить выгрузку.

— И утром ты уедешь? — спросила Олеся.

— Если подтвердят получение. Тут техническая ошибка.

Олеся посмотрела на яблочную чашку, возле которой лежали четыре строки одного дома. Моё объяснение её не убедило.

— Для технической ошибки слишком много людей пропало.

В кухню вошла следующая жительница. Она положила на стол сложенный лист и указала на середину.

— Вот мою Кнопку записали.

— Кнопку? — переспросила я.

— Козу. Ей место в машине назначили.

В транспортной ведомости действительно стояло: «Коза, одно место». Рядом был указан автомобиль соседа. Строки с фамилией хозяйки не оказалось.

— Кнопка поедет без вас? — спросила Олеся.

— Она без меня до ворот не дойдёт. Упрётся и будет смотреть, пока весь паводок не закончится.

Я рассмеялась из-за упрямой козы, которую район подготовил к эвакуации лучше хозяйки. Потом заметила, что женщина не улыбается. Она разгладила край ведомости и ждала ответа.

— Вас нет ни в транспортном списке, ни в списке ранней эвакуации, — сообщила я.

— Вот и я о том. Кнопка уедет, а я останусь ворота закрывать.

Смешная строка перестала быть смешной. Олеся подвинула лист к чашке с яблоками, а я внесла новый пропуск. Их было два: Николай Фомич и хозяйка козы.

Настасья Петровна принесла табурет из комнаты и поставила у двери. Поток посетителей не уменьшался, зато дальше табурета никто не проходил без приглашения.

— Следующий, — объявила она. — Приходите с бумагой. Воспоминания тоже примем, но отдельно.

Мужчина с багром принёс ведомость ответственных. Багор он оставил дома, поэтому выглядел спокойнее. В списке нашёлся сарай под номером шестнадцать. За него отвечал прежний хозяин участка.

— Он умер четыре года назад, — сообщил мужчина. — Подпись обновлять не пришёл.

— А сарай чей сейчас? — спросила я.

— Племянницы. Она в городе. В сарае лежат доски.

— Значит, строение есть, человек указан неверно.

— Человек указан очень неверно, — заметила Олеся.

Я перенесла строку в таблицу несоответствий. Рядом с ней появилась баня, которую район признал жилым домом. У бани имелся статус постоянного проживания, зато число жильцов не было заполнено.

— Может, к жилому дому привязали номер строения, — предположила я. — При импорте тип объекта сместился.

— А люди тоже сместились? — спросила хозяйка козы.

Ответить было нечего. За сорок минут мы нашли четырёх постоянных жителей, которых не было в раннем списке. В документах при этом оставались баня и пустой сарай.

Двое из пропущенных сидели у стола. Николай Фомич оставался дома, а четвёртая жительница работала в вечернюю смену. Олеся позвонила ей и получила подтверждение адреса, но не получила разрешения передавать её номер телефона. В таблице появилась пометка: «Связь через Олеся, с согласия».

Хозяйка козы наблюдала за нами и наконец спросила, когда район увидит исправления. Я ответила, что отправлю их сегодня. Настасья Петровна поправила меня раньше, чем обещание успело стать общим.

— Отправишь сегодня. Увидят, когда откроют.

Женщина кивнула. Ей была нужна не бодрая уверенность, а понятная граница наших возможностей.

Одна из женщин начала объяснять, что ей трудно быстро собраться из-за здоровья. Я потянулась к клавиатуре, но Олеся положила ладонь рядом с ноутбуком.

— Мы записываем то, что вы разрешите передать, — объяснила она женщине. — Сейчас достаточно подтвердить, что вы живёте постоянно. Если понадобится помощь при выезде, обсудим отдельно и запишем для тех, кто её организует.

— А разве это не одно и то же? — спросила я.

— Нет. Адрес нужен для сверки. Здоровье — личное.

Женщина кивнула Олеся, а не мне. Правило было принято.

— Про адрес пишите. Остальное я сначала с дочерью решу.

Приходилось согласиться, хотя внутри я считала потерянные минуты. Чем больше условий мы уточняли, тем медленнее заполнялась таблица. Я потянулась к графе полного списка, но остановилась. Олеся видела перед собой людей, а я — сроки.

Я закрыла лишнюю графу. На экране осталось только необходимое.

— Хорошо. Только адрес и подтверждение проживания. Без пояснений.

— Теперь правильно.

Похвалы в её голосе не было. Она просто обозначила рабочее правило.

К восьми часам в кухне не хватало места. На краю стола лежали районные распечатки, подоконник заняли телефоны на зарядке. Настасья Петровна вышла в прихожую и объявила, что новых посетителей сегодня не принимает.

— А если срочно? — спросили из-за двери.

— Срочно сообщите адрес Олеся. Сапоги мне срочно больше не нужны.

Олеся записала два номера телефонов и закрыла дверь. Настасья Петровна вытерла пол, потом посмотрела на наш стол.

— Пол отмою. Стол освобождайте.

Я разложила найденные ошибки по источникам. Автоматический импорт по-прежнему казался самым простым объяснением. Нужно было подтвердить фактическое число жилых домов и показать району, где именно разошлись записи.

На одном из старых листов, принесённых мужчиной с багром, сохранился штамп осеннего обхода. Внизу была подпись участкового. Я сфотографировала лист и набрала его номер.

Перед звонком мы сравнили даты. Осенний обход застал людей в домах, а свежую паводковую ведомость выгрузили из реестра строений. Реестр показывал статус дома, но не фактическое проживание. Версия о неудачном объединении становилась удобнее.

Участковый ответил не сразу. Сперва в трубке хлопнула дверь, потом он попросил назвать причину звонка.

— Проверяем список ранней эвакуации по нижней улице, — начала я. — В нём нет людей, которые живут там постоянно. Нужны данные вашего осеннего обхода.

— Персональные данные по телефону я вам не передам.

— Мне пока не нужны фамилии. Подтвердите число жилых домов.

— Вера Сергеевна, число тоже надо смотреть по журналу. А журнал не у меня в кармане.

— На копии ваш штамп.

— Штамп мой. Копия ваша. Это разные основания для ответа.

Олеся, сидевшая напротив, прикрыла улыбку ладонью. Настасья Петровна поставила перед ней чашку и взглядом велела не мешать.

Я попыталась зайти с журналистской стороны. Участковый выслушал меня до конца.

— Тогда я направлю официальный запрос. Но ситуация связана с паводком. Можно хотя бы понять, сколько домов вы проверяли осенью?

— Сформулируйте вопрос без фамилий и диагнозов.

Последнее слово он произнёс не случайно. Видимо, Олеся успела поговорить с ним раньше меня.

Я посмотрела на закрытую графу в таблице. Олеся заметила этот взгляд.

— Сколько домов нижней улицы были фактически жилыми во время последнего обхода?

В трубке зашелестели страницы. Участковый искал журнал.

— Девять.

В паводковой ведомости жилыми считались пять. Я переспросила, чтобы не ошибиться.

— Девять домов?

— Девять. Печи работали, люди были на месте. По отдельным адресам отвечу только официально.

— Восемнадцатый проверяли?

— Это уже отдельный адрес.

— Значит, да?

— Значит, направьте запрос.

Он помолчал, и шорох страниц прекратился. Затем всё же добавил:

— Статус сезонного дома мы при обходе не присваиваем. Мы отмечаем, живёт человек или нет. Осенью там жили.

— А почему в паводковый список попали лишь пять?

— Не ко мне вопрос. Этот список собирали из реестров, а не из моего журнала.

— Кто сводил данные?

— В шапке документа должен быть исполнитель.

В шапке стояло название районного отдела без фамилии. Телефон внизу вёл на общую линию, которая вечером уже не отвечала.

— Завтра дам письменное подтверждение по числу домов, — сказал участковый. — По людям — в установленном порядке.

— Этого хватит для первого запроса. Спасибо.

После звонка я вписала рядом две цифры: пять и девять. Разница была слишком большой для одной случайной опечатки. Автоматический импорт объяснял расхождение форматов. Но оставалось непонятно, почему для паводкового списка взяли менее точные данные.

Олеся достала из конверта девять подтверждённых адресных строк и разложила их у яблочной чашки. Затем отсчитала пять домов из паводковой ведомости. Четыре листка остались ближе ко мне. На каждом был адрес, за которым стоял живой человек, но в официальной карте эти листки не имели пары.

Я могла написать в запросе, что данные расходятся почти вдвое. Для этого не требовались фамилии и рассказы о здоровье. Правило Олеся не мешало доказательству, хотя час назад мне казалось иначе.

— Значит, утром не уезжаешь, — заметила Олеся.

— Сначала проверим дома. Потом решу.

— Ты уже решила.

— Я ещё сопротивляюсь.

— Тогда не буду мешать. Это у тебя короткий этап.

Настасья Петровна забрала чашку с красными яблоками, но Олеся успела вынуть из-под неё все адресные строки. Мы подписали конверт «Нижняя улица» и сложили туда копии. Остальные ведомости я убрала в папку с застёжкой.

— На сегодня закончили, — объявила Настасья Петровна. — Стол хотя бы ночью должен быть столом.

Олеся ушла к себе через улицу. Она обещала утром подойти к моему домику, но уточнила время: не раньше половины восьмого. Я осталась помочь убрать кухню.

Настасья Петровна унесла чашки к мойке. Я закрыла ноутбук, застегнула папку и положила её на стул. На чистой половине стола осталась только клеёнка.

Пока я собирала зарядки, на середине клеёнки появился лист. Я остановилась с проводом в руке.

Я не видела, как он упал. Дверь в прихожую была закрыта, окно тоже. Лист лежал лицевой стороной вверх, хотя в папку я складывала бумаги текстом вниз.

— Опять не убирается, — заметила я.

Настасья Петровна вернулась от мойки и не стала осматривать окно. Посмотрела лишь на лист.

— Прочитай строку.

— Я застегнула папку.

— Папку потом проверишь. Сначала строку.

На листе был исходный реестр строений. Дом номер восемнадцать в нём присутствовал. В графе «вид использования» стояло «сезонное», а ячейка с проживающим была пустой.

— Речная, восемнадцать, — прочитала я. — Николай Фомич.

— В бумаге его нет.

— Зато табличка нашлась.

Настасья Петровна провела пальцем по краю листа, не касаясь строки. Её интересовала пустая ячейка.

— Вот и начните с него. А сквозняк оставь в покое. Он завтра никуда не денется.

Я проверила папку. Застёжка была закрыта, но между листами оставался зазор. Бумага могла выскользнуть, когда я переносила папку со стола на стул. Это объясняло её появление. Не объясняло только, почему сверху оказался нужный адрес, но для официального запроса подобные вопросы всё равно не годились.

Я положила лист обратно и несколько раз перевернула папку. Ничего не выпало. Настасья Петровна не стала участвовать в опыте. Она убирала со стола карандаши и явно считала, что дом сделал всё необходимое: вернул нам строку, а дальше следовало работать самим.

— Утром первым идём к Николаю Фомичу, — решила я.

— Скажи Олеся.

Я отправила ей сообщение. В общий порядок адрес не внесла: после таблички у моста забыть его казалось невозможно.

До своего домика я дошла через двор. В главном доме погас свет в кухонном окне, а у меня на столе ждал незаконченный городской материал. Я отправила в район короткий запрос о числе жилых домов и вернулась к ноутбуку.

Рабочую таблицу нельзя было прикладывать целиком: в ней оставались телефоны и закрытая запись о здоровье. Я сделала обезличенную копию, добавила снимок обрезанной карты и число из осеннего обхода. Район получал проверяемое расхождение без чужих личных сведений.

Городской материал пришлось заканчивать после запроса. Редактор получил текст поздно и ответил: «Принято». Я не стала уточнять, относится ли это к статье или к моим срокам. Утром предстояло идти по настоящей улице.

Будильник стоял на половину восьмого. Первым в блокноте оставался адрес Речная, 18.

Глава 3. Улица, которой нет

В половине восьмого Олеся постучала в окно моего домика и показала на часы. Я как раз застёгивала папку. До моего будильника оставалась минута, и спорить с человеком, который сумел прийти раньше сигнала, было бессмысленно.

— Ты обещала не раньше половины восьмого.

— Я и не раньше. Я вовремя. Это разные виды жестокости.

На крыльце она проверила, взяла ли я телефон и подготовила ли две версии таблицы. Услышав ответ, Олеся объяснила, что сперва нас ждут у третьего дома. Люди хотели понять, что именно мы записываем.

Я напредила, что Речная, 18 стоит первым в маршруте. Олеся кивнула на людей у третьего дома: если пройти мимо них с папкой, к Николаю Фомичу мы придём всей улицей.

Нижняя улица начиналась за поворотом, которого не было на электронной карте. Телефон предлагал идти через огород, хотя перед нами лежала обычная дорога. Над крышами шёл дым, во дворах работали. Эти дома не пустовали зимой.

Олеся поздоровалась со всеми по имени. Мне она их не повторила: люди сами решали, хотят ли попасть в полную версию списка.

Женщина в зелёной куртке спросила, зачем мы переписываем жильцов. Я назвала расхождение: в паводковой ведомости числилось пять домов, а участковый осенью нашёл девять жилых.

— Увидит и решит, что нас проще вывезти навсегда.

Мужчина в ватнике кивнул и остался у калитки. Я показала два чистых бланка и объяснила, что полный нужен лишь для связи, а район получит обезличенную сверку.

— Сегодня не передадите, — сказала женщина в зелёной куртке. — А завтра?

Я пообещала, что и завтра не передам фамилию без её разрешения. Она не поверила, но хотя бы не ушла. Тогда я спросила, кто зарегистрирован в доме постоянно. Калитка закрылась так быстро, что край папки едва не попал между створками.

— Вот и поговорили, — сказал мужчина в ватнике.

Олеся посмотрела на меня. Вчера она останавливала лишнюю графу моей таблицы ладонью. Сегодня ладонь не понадобилась.

— Вера, регистрация нам не нужна, — сказала она при всех. — Мы проверяем, живёт ли человек здесь зимой. Это можно подтвердить без штампа в паспорте.

— Я хотела установить основание.

— Основание сейчас дымит над крышей.

Мне не понравилось, что она поправила меня при жителях. Ещё меньше нравилось, что сделала это вовремя. Я закрыла папку.

— Хорошо. Веди разговор ты.

Олеся спросила женщину за калиткой, во сколько та растопила печь. Оказалось, в пять утра. Дров до высокой воды хватало, а машину сын забрал в ремонт. У хозяйки было шесть кур, и на случай выезда она договорилась с соседкой. После этого калитка открылась.

— Заходите. Только паспорт не просите.

В доме было жарко, у печи стоял ящик с растопкой. Но для сверки требовался документ с датой и адресом.

На подоконнике лежали счета. Хозяйка увидела, куда я смотрю, и накрыла бумаги газетой.

Олеся попросила показать не счёт, а январские показания электросчётчика. Женщина продиктовала две цифры по старой тетради. Расход был небольшим, но постоянным. Я записала разницу в обезличенный лист и указала источник: тетрадь хозяйки, сверка при ней.

Хозяйка спросила, докажут ли цифры, что дом не пустовал. Я объяснила: сами по себе — нет, но вместе с зимними счетами их примут как подтверждение. Дым над крышей район мог называть случайным.

Хозяйка убрала газету и достала две квитанции. Январская была оплачена в сельском почтовом окне, февральская — через терминал в магазине. Адрес на обеих совпадал. Я закрыла пальцем фамилию и сфотографировала только верхнюю часть с месяцем, номером дома и отметкой об оплате.

— В полную таблицу меня не пишите, — предупредила она.

— Не будем. В свертке останется жилой дом и способ подтверждения.

Она перечитала строку и сама поставила рядом короткую подпись: «Согласна без имени». Так у нас появился первый адрес, который можно было предъявить району без спора о чужой регистрации.

Мужчина в ватнике принёс январскую квитанцию. Телефон сообщать не стал, но решил сверить показания счётчика. В обезличенном листе появилась вторая подтверждённая строка.

У следующей хозяйки договор на электричество был оформлен на умершего отца. Олеся попросила открыть дровяник. Хозяйка показала запас на зиму и февральскую запись печника с номером дома.

Этого хватало лишь для одного вывода: дом обслуживали зимой. Я обещала отдельно поискать квитанцию и не выдавать слабое подтверждение за полное.

В полную версию хозяйка разрешила внести только имя и связь через соседку. Мы потратили почти час на три двора. Вчера я за это время заполнила бы половину таблицы, а потом ещё день объясняла бы, почему люди ей не доверяют.

На обезличенном листе каждый дом занимал одну короткую строку. По ней нельзя было узнать хозяина, зато можно было проверить, почему дом признан жилым. Полную версию я хранила в закрытой папке и открывала лишь при согласии человека. Такой порядок замедлял обход, но уже не заставлял жителей выбирать между помощью и правом на личную жизнь.

На четвёртом адресе хозяин разговаривал через закрытые ворота и сообщил, что никаких списков не признаёт. Олеся не стала его убеждать.

— Мы оставим вам чистый лист, — сказала она. — Там написано, что пойдёт в район. Решите сами.

— А если не решу?

— Дом всё равно проверим по открытым данным. Вашего имени там не будет.

Он взял лист, но согласия не дал. Я внесла адрес в графу ожидания. Олеся попросила заменить «отказ» на «решение не принято».

— По смыслу одно и то же, — возразила я.

— Для твоего срока — да. Для человека за воротами — нет.

Исправление заняло пять секунд. Эти пять секунд мне тоже не понравились, потому что спорить с ними было нечем.

К дому Николая Фомича мы пришли позже обещанного. Номер восемнадцать висел на одном шурупе и проволоке. На правом столбе темнели отверстия от старой таблички, найденной у моста.

Николай Фомич ждал во дворе. Трость стояла у скамейки, а сам он склонился над раскрытым ящиком с инструментами. Внутри лежали свечной ключ, пассатижи и несколько отвёрток. Рядом на табурете стоял небольшой лодочный мотор без крышки, а за сараем виднелся нос вёсельной лодки.

— Нам сказали, у вас лодка без мотора, — заметила я.

— Моя без мотора. Этот соседский. Вчера заглох, сегодня уже стесняется.

— Мотор умеет стесняться?

— Хозяин умеет. Поэтому прислал его одного.

Олеся рассмеялась, и Николай Фомич предложил войти. Я успела сфотографировать отверстия с линейкой, чтобы позднее сравнить крепления.

В доме Николай Фомич поставил условие: в список маломобильных его не вносить. Слово он произнёс отчётливо, как человек, которому его навязывали.

— Я хожу медленно, — сказал он. — Это не значит, что меня надо грузить без спроса.

— Никто не собирается вас грузить.

— Тогда не записывайте так, чтобы собирались другие.

Я объяснила, что список нужен на случай ранней эвакуации. Он достал из шкафа папку со счетами и положил на стол, но не открыл.

— Дом сезонный, — сказал он. — Я, выходит, тоже сезонный. Зимой топлю, весной чиню моторы, летом огород. Осенью, наверное, меня списывают на хранение.

— В осеннем обходе вы есть. Участковый подтвердил девять жилых домов.

— Участковый приходит ногами. Реестр ездит по проводам и улицу не видит.

Я спросила, сможет ли он выйти сам, если вода подойдёт к дороге. Николай Фомич посмотрел на трость, потом на меня.

— Вот этого вопроса я и ждал. А вы начали с того, куда меня записать.

Мне показалось, что он просто не хочет признавать опасность. На дворе было тихо, а лодка лежала на козлах.

— Опасность не исчезнет, если о ней не говорить.

— И человек не исчезнет, если у него трость, — ответил он. — Спросите, что мне нужно для самостоятельного выезда.

Олеся ничего не сказала. В этот раз поправляться пришлось самой.

Я перечитала свой вопрос в бланке. Он заранее делил людей на тех, кто справится, и тех, кого придётся вывозить. Для Николая Фомича это означало, что его трость заметили раньше его опыта. Я зачеркнула готовую пометку и оставила место для его условий.

— Хорошо. Что вам понадобится, чтобы выехать самостоятельно?

Николай Фомич открыл папку. Сверху лежала февральская квитанция за электричество, под ней — чек на доставку угля. Он разрешил снять копии без фамилии.

— Предупредить заранее, — сказал он. — Не когда вода уже у крыльца. Лодку я спущу сам. До верхней дороги дойду тоже. Если грунт размокнет, нужен человек у ворот, чтобы вынести этот мотор и канистру. Мои лекарства лежат в нижнем ящике стола. Их я возьму сам.

Я записала его слова почти дословно и показала строку: «Николая Фомича предупреждают заранее, а помощь с тяжёлым грузом он запросит сам». Он прочитал запись до конца.

— Вот теперь похоже на меня, — сказал Николай Фомич.

Он разрешил внести телефон в закрытую версию и назначил запасную связь через соседа. Адрес подтверждали зимние платежи и расход электричества. Печь я указала лишь как дополнительный признак.

— Ещё погреб запишите, — сказал Николай Фомич.

— Что с ним?

— Вода пришла.

Он произнёс это спокойно. Я решила, что речь идёт о талом снеге у фундамента.

— Сейчас у многих сыро.

— У многих пусть будет своё. А мой погреб тридцать лет был без воды.

Николай Фомич взял трость и сам повёл нас в сени. Он переобулся быстрее меня и отказался от руки у ступеньки.

— Светите лучше. Для этого две свободные руки полезнее одной заботливой.

Вход в погреб находился под навесом. Николай Фомич спустился первым, Олеся — следом. Я включила фонарь на телефоне и дождалась, пока они проверят лестницу.

В погребѣ пахло землѣй и старым деревом. Вода занимала проход между полками и доходила до подошв моих сапог. Банки хозяин успел переставить выше. На нижней доске остались круглые следы от донышек.

— Утром было меньше, — сказал Николай Фомич.

На кирпичной стене виднелась меловая черта. Вода подошла к ней вплотную, местами закрывая белую кромку.

— Когда отметили?

— В семь часов десять минут. После печи спустился.

До десяти оставалось двенадцать минут. От пола до черты получилось одиннадцать сантиметров. Николай Фомич поправил рулетку: пол шѣл под уклон, поэтому измерять следовало у одного кирпича. Рядом он поставил мелом точку.

— Вчера вода была?

— Вечером пол был чистый. Я за картошкой спускался после девяти.

Вода появилась за ночь. По такому промежутку нельзя было делать вывод. Мы договорились повторно измерить уровень в полдень и не переносить банки, если вода не поднимется до нижней полки.

Она была прозрачной и не пахла канализацией. В чистой банке через минуту осел желтоватый песок.

На банке я написала адрес и время. Без анализа образец подтверждал лишь наличие мелкого песка. Происхождение воды оставалось неизвестным. Но если уровень изменится, у нас останется точка для сравнения. Фотографию банки я сохранила рядом со снимком меловой черты.

— Талая вода нашла трещину, — сказала я. — Для начала это самое простое объяснение.

— Трещина есть, — согласился Николай Фомич и посветил на шов между кирпичами. — Только она выше.

Шов темнел примерно в ладонь над меловой чертой. Под ним кирпич был мокрым, но струйки я не увидела. Вода могла проникнуть снизу и подняться через грунт. После быстрого снеготаяния в этом не было ничего необычного. Олеся стояла у полки и смотрела, как я добавляю в заметку высоту, цвет осадка и состояние шва.

— Ты уже собралась отвечать за весь берег? — спросила она.

— Я фиксирую одну точку.

— У тебя лицо на три деревни.

— Это рабочее лицо.

— Тогда сократи его до одного погреба.

Николай Фомич забрал у меня банку и поставил на полку. Спорить о моѣм лице он не стал.

— От стены не идѣт, — сказал он. — Смотрите под лестницей.

Там вода казалась темнее. Хозяин опустил в неѣ деревянную рейку и провѣл по дну. Рейка упѣрлась в край узкого жѣлоба, когда-то сделанного для стока. Жѣлоб уходил под основание дома в сторону дороги.

— Раньше он был пустой, — объяснил Николай Фомич. — Если погреб мыли, вода уходила туда. Теперь пришла обратно.

— Куда выходит жѣлоб?

— К старой трубе под дорогой. Не прямо, конечно. Здесь двор выше, дальше канава. Когда улицу подсыпали, часть закрыли.

Я спросила, сохранился ли план. Мы поднялись, подписали время у меловой черты и договорились проверить уровень через два часа. Я сфотографировала отметку и весь участок стены.

В доме хозяин снял с верхней полки свёрнутую кальку. Это была не официальная схема, а рабочая копия дорожного участка. На ней старым карандашом проходила канава, пересекала улицу и уходила за поле. У края стоял номер водопропускной трубы.

— Я здесь мастером работал, — сказал Николай Фомич. — Пока дорогу не передали району. Трубу чистили каждую весну. Вода шла в сторону К, потом по низине уходила дальше.

— В сторону реки?

— Раньше там был проток. Потом его засыпали по частям. Где огородам, где дорогой. На новых картах оставили поле.

Я разложила рядом современную распечатку. Нижняя улица на ней обрывалась после двенадцатого дома. Старая канава продолжалась за этим обрывом, но в новой карте дальше было пустое поле.

— Труба сейчас работает? — спросила Олеся.

— Если её не забило, работает. Но я к выходу давно не ходил. Там насыпь расползлась.

Я открыла маршрут к трубе на телефоне. До поля можно было дойти пешком, и фотография входа дала бы физическую точку для запроса. Николай Фомич свернул кальку раньше, чем я успела выбрать дорогу.

— Сегодня туда не лезьте, — сказал он. — Сверху земля держится, снизу не знаю. Сначала покажу, где обходить.

— Мы можем посмотреть с дороги.

— Можете. Но с дороги увидите кусты и решите, что всё понятно.

Олеся спросила, сможет ли он отметить безопасный подход на копии. Николай Фомич развернул кальку. На этот раз передал карандаш ей, а не мне. Она провела линию от дома к старой насыпи и уточнила два поворота. Я добавила рядом только вопрос: «Состояние трубы — не проверено».

Так рабочая версия стала скромнее. Вода могла прийти из-за снега и трещин в основании. Старая канава могла лишь совпадать с направлением. Но у нас были точная отметка в погребке, схема трубы и человек, который обслуживал её много лет. Этого хватало, чтобы продолжить проверку, а не объявлять причину.

Мы вышли во двор. У калитки ждали двое соседей с квитанциями. Николай Фомич сам объяснил им правило двух листов и первым назвал свой дом постоянным. Слово «маломобильный» он не произнёс.

Олеся записывала согласия, а я сверяла адреса. Работа шла медленнее, чем мне хотелось, зато к полудню у нас было шесть подтверждённых домов. В двух случаях люди разрешили оставить телефоны только для Олеси. Один хозяин разрешил внести лишь обезличенную строку. Никто не дал нам права решать за него, и список от этого стал точнее.

Телефон Олеси зазвонил, когда Николай Фомич закрывал калитку. На экране появилось сообщение от Анфисы из деревни К. Сперва загрузилась фотография мокрой травы, потом резкость выправилась.

На земле лежала старая синяя табличка. Эмаль откололась по краям, но надпись читалась: «Береговая, 9». В нижнем углу Анфиса положила для размера спичечный коробок.

Под фотографией было короткое сообщение: «Нашли выше дороги. Вода туда не доходила».

Олеся показала экран Николаю Фомичу. Он попросил увеличить снимок и долго смотрел на номер.

— Это возле той же низины, — сказал он. — Если старую трубу не закрыли окончательно, линия идёт туда.

Я открыла карту. Между адресами Речная, 18 и Береговая, 9 программа показывала поля, две дороги и пустое место. На кальке Николая Фомича через это пустое место проходил старый отвод воды.

Сначала мы должны были проверить погреб по меловой черте, затем ехать в К. Улица, которой не было на карте, привела нас к другой деревне. Оставалось понять, соединял ли их старый проток или только ошибка в документах.

Глава 4. Анфисин список

К полудню вода в погребе Николая Фомича поднялась на четыре миллиметра. Белая точка у кирпича ещё оставалась над поверхностью, но расстояние до неё уменьшилось. Мы повторили измерение у того же места, подписали время и ничего не стали объяснять заранее.

— Четыре миллиметра — это много? — спросила Олеся.

— Для погреба неприятно. Для вывода мало.

Перед нашим уходом он развернул кальку, снова показал старую насыпь и предупредил, что после поворота дорога уходит вниз.

До деревни К навигатор обещал двадцать восемь минут. Через четырнадцать минут перед машиной появилась вода, а за ней лёгкий барьер. Я остановилась у края асфальта. Поток пересекал дорогу и уходил в канаву, скрывая правую обочину.

В районной схеме участок оставался открытым. Я сняла барьер вместе с дорожным знаком и отправила участковому координаты. В общий чат кадр не послала: по нему нельзя было оценить глубину воды.

— У тебя карта опять предлагает ехать прямо? — спросила Олеся.

— Предлагает. Но у неё нет машины, которую потом вытаскивать.

Мы оставили автомобиль у закрытого магазина. Дальше можно было пройти по старой насыпи, которую Николай Фомич отметил на копии. До Анфисиного дома оставалось меньше двух километров, если линия на кальке не вела в кусты.

Я достала фотографию карты Саиды. Прошлой зимой она помогла восстановить забытые дома, но для свободной публикации не предназначалась. Сейчас я использовала только рельеф и старую синюю линию вдоль берега. Рядом на бумаге Николая Фомича шла канава.

На громкой связи он объяснил, где свернуть с дороги. Ориентиром служил ряд старых ив. Их посадили по краю низины, когда вода ещё проходила между деревнями.

— Дойдёте до сломанной верхушки, — сказал он. — После неё не спускайтесь вправо. Там берег осел.

Я открыла общий деревенский чат и начала записывать голосовое сообщение о безопасном проходе. Олеся коснулась экрана, и запись остановилась.

— Николай Фомич объяснил путь нам, — сказала она. — Не всей деревне.

— Но дорога перекрыта. Людям нужен обход.

— Тогда спросим его, можно ли передать маршрут. И участкового спросим, безопасен ли он для остальных.

— Мы уже по нему идём.

— Мы идём вдвоём и знаем, где не сворачивать. В чате прочитают половину и поведут туда тележку.

Николай Фомич всё слышал. Он разрешил передать лишь точку начала насыпи и попросил не называть путь безопасным, пока его не осмотрят. Моё голосовое сообщение сократилось до одной фразы: проезд закрыт, пеший проход проверяется.

— Стало менее полезно, — заметила я.

— Зато правда, — ответила Олеся.

Ряд ив начинался за старым бетонным столбиком. На карте Саиды синяя линия изгибалась в том же месте. Я совместила снимок с направлением насыпи и решила, что мы нашли край протока.

— Совпало, — сказала я. — Линия идёт к К.

Олеся посмотрела сперва на ивы, потом на мой экран. Копию кальки она развернула рядом.

— Мы нашли деревья и старую дорогу.

— Изгиб тот же.

— Значит, можно проверять дальше. Проток пока не найден.

Я убрала телефон. За последние сутки моя работа часто сводилась к тому, что Олеся возвращала вывод на один шаг назад. Это раздражало, но шаг после этого не проваливался.

У сломанной ивы насыпь пересекала глубокую канаву. Под ней темнело бетонное кольцо. Вход в трубу почти закрывала земля, среди веток застряла пластиковая бутылка. Вода сочилась через узкую щель и уходила под дорогу.

Мы не стали спускаться. Сфотографировали трубу с края насыпи и отметили координаты. На бетоне сохранилось прямоугольное место от номерной пластины. Цифр не было, поэтому связать трубу со схемой можно было лишь по положению.

— Теперь проток найден? — спросила я.

— Труба найдена.

— Ты сегодня очень щедра на существительные.

— Они не обещают лишнего.

Я отправила Николаю Фомичу общий снимок и крупный план. Он узнал трубу по сколотому краю, но тоже не назвал её работающей. Земля могла перекрывать ход дальше. Для проверки требовалось осмотреть выход со стороны К.

За трубой насыпь стала выше. Слева тянулась низина, где снег сошёл. По краю стояли те же ивы. Линия вела к деревне К, но доказательством пока служили только старые посадки и один бетонный вход.

Анфиса встретила нас у крайнего дома в куртке с пришитым карманом другого цвета. Она посмотрела на наши грязные подошвы и не спросила, нашли ли мы дорогу.

— Через насыпь пришли?

— Через неё, — ответила Олеся. — Машину оставили у магазина.

— Правильно. Здесь сейчас проезжают только те, кто заранее договорился с трактором.

Анфиса повела нас к своему дому. По пути показала, где вода вышла к огородам, но не стала останавливаться. Разговор о жителях она собиралась вести за закрытой дверью.

В доме топилась печь. Возле неё стоял стол, на котором лежала жестяная коробка из-под печенья. Анфиса сняла крышку, достала исписанный лист и положила его обратно. Я успела увидеть фамилии и номера домов.

— Список у меня есть, — сказала она. — Вам я его не отдам.

— Нам нужны сведения для сверки с паводковой ведомостью.

— Вот и сверяйте ведомость с ведомостью. Людей туда не втягивайте.

Олеся сняла куртку и повесила на крючок. Я осталась в своей: разговор обещал быть коротким, если Анфиса не изменит решение.

— В N из списка пропали четыре жилых дома, — сказала я. — Здесь может быть то же самое. Если вода поднимется, район должен знать, кому сообщать.

— Район уже знал один раз, — ответила Анфиса. — Три года назад мы дали им имена для подвоза воды. Потом к женщине на старом берегу приехали проверять, почему она живёт в доме, который в бумагах назван хозяйственной постройкой. Воду привезли дважды, а письма о выселении шли всё лето.

— Сейчас другая причина.

— Бумага тоже будет другая. Фамилия останется та же.

Она поставила жестяную коробку на лист. В этой комнате имена охраняли лучше печенья.

Я объяснила, что полный список можно передать только спасателям. Анфиса спросила, могу ли я гарантировать, что копия не попадёт в земельный отдел. Гарантировать это я не могла.

После дела Саиды мне следовало понимать такой страх без пояснений. Но залитая дорога сокращала время, и я опять решила, что срочность даёт мне право получить сведения раньше доверия.

— Тогда список остаётся здесь.

— Без имён мы не сможем проверить, все ли получили предупреждение.

— Я смогу. Это моя деревня.

Я почти сказала, что паводок не признаёт личных владений и деревенских правил. Вместо этого напомнила о сроке: дорога была залита, а в официальной карте старого берега почти не осталось.

Анфиса не сдвинула коробку. Олеся села за стол и попросила три чистых листа. Анфиса подала их ей, хотя у меня в папке лежали готовые бланки.

На первом Олеся написала: «Для деревни». Этот лист должен был храниться у Анфисы. На втором оставила место лишь для сведений, которые люди разрешат передать тем, кто организует выезд. Третий предназначался для публикации и районной сверки: без фамилий и точных примет человека.

Листы отличались доступом. Анфиса хранила полные сведения, район получал необходимое для связи, а в мою копию переходили числа и подтверждённые расхождения. Изменённое согласие следовало исправлять на каждом листе.

— Зачем три? — спросила Анфиса.

— Чтобы один список не притворялся тремя разрешениями, — ответила Олеся. — Если человек согласен сообщить имя спасателям, это не значит, что Вера может напечатать его в статье.

Я возразила, что в статье имена мне не нужны. Слово «статья» изменило разговор быстрее, чем предупреждение о воде.

— Так вы материал собираете? — Анфиса придвинула коробку к себе.

— Я журналист. Но сейчас проверяю адреса для обращения в район.

— А потом обращение станет текстом.

— Только с разрешения.

— Чьего? Вашего?

Олеся посмотрела на меня. В N после такого взгляда я успела закрыть лишнюю графу. Здесь пришлось закрыть ещё и ноутбук, который я только достала.

— Я не буду использовать имена и подробности без согласия жителей, — сказала я. — Для обращения достаточно числа домов и подтверждения, что там живут постоянно.

— Это вы сейчас мне обещаете или себе? — спросила Анфиса.

— Вам. И запишу это на листе.

Анфиса пододвинула третий лист к Олеся. Полного доверия это не означало, но коробка перестала двигаться по столу.

Мы начали с числа домов. В старой части деревни К пять домов были жилыми круглый год. В паводковой ведомости значились два. Анфиса разрешила отметить на общей карте участок дороги, где требовалось раннее предупреждение. Точные номера она оставила у себя.

— В одном доме нет машины, — сказала она. — Предупредить надо раньше. Дальше я сама спрошу, что можно передать.

Я не стала уточнять возраст и здоровье жильца. В карте появился один круг без фамилии. Рядом Олеся написала: «Связь через Анфису, сведения уточняются».

— Этого мало, — сказала я.

— Для вашей полной таблицы мало, — ответила Анфиса. — Для первого звонка хватит.

Она была права, и от этого у меня испортилось рабочее лицо. Олеся не стала его обсуждать при хозяйке.

Анфиса сняла коробку с полного списка и прочитала имена про себя. Затем набрала первый номер. Она не сказала человеку, что мы рядом, и не просила решать немедленно. Объяснила, какие сведения нужны и кому они могут уйти, а ответ записала на отдельном листе.

Так в списке появился ещё один обезличенный дом и согласие передать спасателям номер телефона, но не имя для публикации. Полная строка осталась у Анфисы. Я сфотографировала только разрешённую часть.

На карте два круга оказались рядом. Один обозначал дом без машины, второй — место, где связь шла через Анфису. Этого хватало, чтобы район не считал участок пустым, но не позволяло мне позвонить жителям самой. Цена правила стала понятной: проверку предупреждений придётся вести вместе с Анфисой, а не из моей таблицы.

Работа продвигалась медленно. Пока Анфиса звонила второму жителю, я посмотрела на карту Саиды. Синяя линия проходила ниже старой улицы К и поворачивала к месту, где нашли табличку. Это могло объяснить направление, но не появление самой таблички выше нынешней воды.

Участковый ответил на мой звонок из машины. Я сообщила, сколько жилых домов назвала Анфиса, и попросила проверить число по старому обходу. Фамилий не называла.

— Пять похоже на правду, — сказал он. — Точно отвечу по журналу.

— В официальной ведомости два.

— Её не по моему журналу собирали. Это мы уже выяснили.

Он обещал перезвонить после возвращения в кабинет. Я попросила заодно посмотреть, не встречался ли адрес Береговая, 9 в общих листах с деревней N.

Анфиса дождалась конца разговора и открыла коробку. Полный список она не отдала, но разрешила переписать пять номеров домов без фамилий. Олеся свернула лист «Для деревни» и вернула под крышку.

— Теперь покажу, где нашли табличку, — сказала Анфиса. — Только не пишите, что её принесла вода. Вода туда не поднималась.

Старый берег находился за последним огородом. Тропа шла по кромке низины, затем поднималась к ряду ив. На мокрой земле остались следы сапог. Рядом с отпечатками виднелась узкая колея от садовой тележки.

— Здесь ходило много людей, — сказала я.

— Трое, — ответила Анфиса. — Я, сосед и его внучка. Тележка их. Они везли ветки.

Табличка лежала там же, где её сняли на фото. Анфиса прижала угол камнем, чтобы ветер не перевернул пластину. Выше по склону стоял старый столб с двумя отверстиями.

Я надела перчатки и осмотрела находку. В одном отверстии остался ржавый винт с плоской шляпкой. Во втором торчал короткий оцинкованный шуруп, почти новый. Такое сочетание могло появиться, если табличку недавно крепили к старому месту.

— Шуруп ваш? — спросила я.

— Не мой.

— Сосед ставил?

— Он табличку поднял и положил обратно. Шуруп уже был.

— Вы хотели привлечь внимание к дороге?

— Хотела и хочу. Я звонила в район до этой находки. Если бы табличку решила подбросить, выбрала бы надпись крупнее.

Олеся присела у столба и сравнила расстояние между отверстиями. Оно не совпадало с табличкой: пластина была шире. Значит, на этом столбе она не висела или для неё ставили другую планку.

Я сфотографировала ржавый винт рядом с новым шурупом и отправила снимок участковому. В кадр не попали склон, старая тропа и камень на углу таблички.

Он ответил почти сразу: «Похоже, недавно прикручивали». Короткая фотография поддерживала простую версию — табличку принесли люди, которым понадобилось внимание к дороге.

— Сними общий план, — сказала Олеся. — А то у тебя шуруп уже дал показания.

Я отошла на несколько шагов. На широком кадре стало видно, что оцинкованный шуруп вообще не касался столба. Он застрял в отверстии пластины и мог попасть туда отдельно. Ржавый винт сидел в обломке древесины, прилипшем к обратной стороне таблички.

На новом шурупе не было царапин от отвёртки, а резьбу забила земля. Его возраст это не доказывало. Зато вокруг ржавой шляпки сохранился след краски, совпадавший с эмалью таблички. Шлиц почти исчез под коррозией, которая не могла появиться за ночь.

Версия о недавнем креплении не исчезла, но перестала быть единственной. Я отправила участковому второй снимок с пояснением.

Анфиса подняла камень и попросила помочь перевернуть табличку. Под ней обнаружился бетонный межевой знак, почти скрытый травой. На боковой грани сохранилась цифра девять. От знака в сторону N шла низкая земляная кромка. Её легко было принять за край старой грядки, но дальше она проходила между ивами и спускалась к той же низине.

Я сняла знак до очистки, а затем сделала второй кадр с читаемой цифрой. После ошибки с шурупом крупная деталь больше не должна была заменять место целиком.

Мы прошли вдоль кромки до места, где тропа пересекала её. Земля там просела, и под корнями показался ряд мелких камней. Анфиса вспомнила, что в детстве по этой меже отделяли дома старого берега от общего выгона.

— Береговая была здесь? — спросила я.

— Название менялось. Старики говорили «у протока». Номер девять стоял ближе к воде, до того как дом разобрали.

— Когда разобрали?

— После большого разлива. Год посмотрим дома, гадать не буду.

Я отметила знак на карте и провела рабочую линию к трубе у насыпи. Получался путь в сторону N. Пока он опирался на старую межу и память Анфисы, а не на гидрологический расчёт.

Телефон зазвонил, когда мы возвращались к табличке. Участковый нашёл старый журнал. В нём адреса двух деревень шли на одном развороте.

— Заголовок странный, — сказал он. — «Проточная линия». Потом отдельно N, отдельно K.

— Это название улицы?

— Не похоже. Скорее старый маршрут обхода. Тут дома по порядку от K через N, а дальше лист вырван.

— Куда шла линия после N?

— По этому журналу не скажу. Но нумерация не заканчивается на деревне. Последний целый адрес — шестнадцатый, дальше остался край строки.

Участковый согласился прислать снимок заголовка без фамилий. Имена он закрыл листом бумаги ещё до фотографии. Анфиса услышала это и впервые за день одобрительно кивнула в мою сторону, хотя закрывать данные придумал не я.

Мы положили табличку в чистый мешок и оставили у Анфисы до осмотра участкового. Место находки отметили колышком, а межевой знак сфотографировали с расстояния и крупно. К табличке больше не прикасались.

Перед дорогой обратно Олеся проверила, что в моей папке нет полного Анфисино списка. Там лежала только обезличенная карта и пять номеров без фамилий. Все пять адресов были подтверждены, но район пока не учитывал ни одного.

На карте Саиды синяя линия не заканчивалась у N. Она шла дальше, к городскому берегу. Старый журнал обрывался на том же направлении. В городе оставалось проверить Набережную, 17 и продолжение «проточной линии».

Глава 5. Семнадцатый адрес

Синяя линия на копии карты проходила прямо под словом «дорога» и не заканчивалась у деревни N. Я увеличила снимок на экране, но след распался на квадраты. Сперва я приняла его за полосу от ручки, которой задела бумагу при складывании. Затем заметила: линия огибала старые дома и выходила к номеру семнадцать.

Карта нашлась прошлой зимой в ложном дне чемодана Саиды. На ней были отмечены дома людей, которым документы назначали чужие адреса. Мы сделали рабочую копию, но право на дальнейшее использование оставалось у Саиды.

Я открыла программу для обработки снимков, когда Олеся постучала в дверь домика. Она вошла с конвертом от участкового и увидела карту.

— Ты спросила Саиду?

— Ещё нет. Я только увеличиваю линию.

— В прошлый раз с «только» началась половина неприятностей.

Я закрыла программу и набрала номер Саиды. Она ответила не сразу. На фоне объявляли отправление автобуса, поэтому говорить пришлось коротко.

Я объяснила, что на карте обнаружилось возможное продолжение старого протока от К через N к городу. Для проверки требовалось сопоставить адресную сетку с другими планами.

— Имена вам не нужны? — спросила Саида.

— Нет. Только номера домов, линии дорог и отметки берега.

— Публиковать будете?

— Пока нет. Закрытая рабочая свертка.

Саида разрешила использовать копию при двух условиях. Метки людей нельзя было переносить в общую таблицу, а полный снимок — отправлять в район или гидрологам. Для внешнего запроса следовало сделать отдельный фрагмент без подписей.

— Если понадобится весь лист, позвоните снова, — сказала она. — Разрешение на один вопрос не действует на следующий.

Я записала её слова в верхней части папки. Олеся проверила формулировку и лишь после этого развернула карту на весь экран.

Олеся заметила у края красную точку, не связанную с протоком, поэтому фрагмент пришлось обрезать заново.

Стёртая синяя дуга стала заметнее, когда я убрала цвет фотографии. Она шла от старого берега К, пересекала нижнюю улицу N и продолжалась к городу. У края карты стоял номер 17, но название улицы было закрыто сгибом.

Мы перенесли лишь нужный участок на новый лист. Личные отметки остались за белой рамкой. С копией можно было работать, не превращая карту Саиды в общий справочник о людях.

Настасья Петровна пришла из главного дома с фотографией таблички у моста. Она посмотрела на синий изгиб и спросила, почему мы сидим в домике, если один конец линии находится у опоры.

— Потому что здесь тепло, — ответила я.

— Тепло не мешает ошибаться. На улице хотя бы место видно.

Через десять минут мы стояли у моста. Синяя табличка «Набережная, 17» хранилась у Настасьи Петровны, а на правой опоре оставалась царапина от её края. Вода шла ниже вчерашнего уровня, но тёмная полоса на бетоне показывала, куда доходила ночью.

Я сфотографировала опору и приложила к снимку фрагмент карты. Если продолжить синюю дугу, она выходила к городскому берегу. Совпадение выглядело убедительно, и я сказала, что река возвращает адреса вдоль старого русла.

Настасья Петровна поправила край платка и долго смотрела на воду. Отвечать за реку она не спешила.

— Я не знаю, чего она хочет, — сказала она.

— Река?

— Река. И ты не знаешь. Не приписывай ей человеческую работу. Табличку она принесла, а объяснение мы ищем сами.

Раньше Настасья Петровна могла предложить способ спросить дом или проверить порог. Сейчас она впервые оставила вопрос без ответа. Это не ослабило улику. Наоборот, стало понятнее, что именно ещё нужно доказать.

Царапина от таблички начиналась ниже тёмной полосы и поднималась к одному месту на опоре. След подтверждал повтор, но не объяснял движение против поверхностной воды. Настасья Петровна попросила проверять воду и берег, а не наши ожидания.

Олеся попросила приложить к тёмной полосе линейку. Её у нас не было. Я решила, что общий снимок подойдёт для начала, и сняла опору вместе с нижним краем моста. Точную высоту отметки мы не измерили.

В библиотечную комнату перенесли три распечатки. На первой была разрешённая часть карты Саиды. Вторую прислал участковый: заголовок «Проточная линия» и край старого обходного листа. Третью мы получили из открытого кадастрового слоя.

Я попыталась совместить карты по мосту. Береговая линия разошлась почти на сантиметр. Олеся прочитала мелкую строку внизу: принтер уменьшил одну страницу до девяноста семи процентов.

— Проблема не в картах, а в настройках печати, — сказала она.

После повторной печати мосты совпали, но городской конец линии по-прежнему уходил в сторону. Без школьной копии Раисы Павловны любой адрес оставался догадкой.

Современная карта дала три адреса с номером семнадцать. Один находился на другом берегу реки, второй — у новой объездной дороги. Третий относился к складу, закрытому несколько лет назад. Название «Набережная» встречалось лишь у первого.

— Вот и дом, — сказала я. — На другом берегу.

Олеся посмотрела на дату кадастровой записи. Дом оказался новым.

— Его построили двенадцать лет назад.

— Табличку могли заменить.

— Могли. А могли и не заменять. Давай сначала узнаем возраст дома.

Я открыла старые спутниковые снимки. На месте нынешнего строения раньше был пустой участок. Дом появился двенадцать лет назад и получил белую табличку другого размера. Мы потратили почти сорок минут на адрес, который совпадал только названием и номером.

Год в открытой выписке подтвердил ошибку. Нынешняя Набережная, 17 появилась после изменения границы города. Старая табличка могла попасть туда лишь при повторном использовании.

— Зато быстро нашли, — заметила Олеся.

— Быстро нашли неправильное.

— Это тоже результат. Теперь он не будет мешать.

Я вычеркнула первый вариант. У объездной дороги номер семнадцать относился к техническому участку без дома. Склад оставался возможным, но в его документах улица называлась Пристанской.

Названия менялись после каждого нового плана. Набережная становилась Пристанской, отдельные участки получали номера дороги, а часть старого берега вообще исчезала из поиска. Один и тот же номер оказывался в разных местах, хотя старого дома уже не было.

Мы позвонили Раисе Павловне. Она хранила школьные копии старых улиц и согласилась посмотреть нужный участок. Пока она искала папку, в трубке несколько раз хлопнула крышка коробки.

— Семнадцатый какого года? — спросила она.

— Пока любого, — ответила я.

— Так адреса не ищут. Дом можно перестроить, улицу переименовать, номер отдать другому участку. Назовите хотя бы десятилетие.

На синей табличке не было даты. По эмали и шрифту можно было дать широкий период, но Раису Павловну такой ответ не устроил. Она попросила прочитать все буквы и описать отверстия для крепления.

После этого выбрала две школьные карты. Первую сделали до большого разлива, вторую — после прокладки дороги. Снимки пришли на телефон через несколько минут.

Раиса Павловна положила у края линейку, чтобы мы проверили масштаб, и отдельно сняла подписи улиц. Школьная копия всё равно не становилась геодезическим планом.

На ранней карте городской край назывался Набережной. Дом № 17 стоял у выхода старой водной линии. На поздней копии тот же участок относился к Пристанской, а номер семнадцать был перенесён к складу.

— Значит, склад, — сказала я.

— Значит, номер склада появился позже, — поправила Раиса Павловна. — Старый дом к тому времени разобрали. Не склеивайте их только потому, что цифры одинаковые.

Олеся положила телефон между распечатками. Две версии номера семнадцать лежали рядом.

— У нас сейчас спорят две семнадцатые строки. Какая из них стояла у воды?

Раиса Павловна попросила открыть раннюю карту крупнее. На полях рядом с домом была подпись, которую мы сперва приняли за фамилию. После увеличения прочитались два слова: «старый проток».

Я перенесла подпись на рабочую схему и провела дугу через три точки. Береговая, 9 в К стояла у начала линии. Речная, 18 в Н находилась рядом с водопропускной трубой. Набережная, 17 отмечала городской выход.

На современной карте дуга проходила под дорогой, пересекала поле и заканчивалась у старого склада. Видимой воды на этом пути не было. Но направление совпадало с калькой Николая Фомича, межой Анфисы и школьной подписью.

Мы совместили раннюю карту с кадастровым слоем по мосту и поворотам дороги. Синий изгиб прошёл под нынешней насыпью, пересёк место склада и вышел к городскому берегу. Подпись «старый проток» оказалась важнее номера: три таблички указывали на полосу земли от К до города.

— Три таблички могли лежать в одном складе, — сказала Олеся. — Потом их вывезли вместе и растеряли по берегу.

Версия была простой. Склад действительно стоял на месте позднего номера 17, а при расчистке туда могли свозить старые домовые знаки. Если партия эмалированных табличек попала в воду, течение разнесло бы их по деревьям.

— Тогда почему одну нашли выше воды? — спросила я.

— Её могли перенести люди. Следы там были.

— А табличка у моста шла против течения.

— Это видел Матвей на записи. Но склад всё равно надо проверить. Мистика не отменяет кладовщика.

Я отметила склад как рабочую версию, а не источник всех находок. Она объясняла происхождение табличек, но не связь трёх адресов с исчезнувшей линией.

Раиса Павловна прислала второй снимок. На обратной стороне школьной копии стоял архивный шифр городского плана. Его можно было запросить в муниципальном архиве. Она запретила называть школьную карту точной по масштабу: дети переносили линии вручную, и отклонение могло составлять несколько десятков метров.

— Для гидролога этого хватит? — спросила Олеся.

— Для гидролога хватит понять, что мы ничего не измерили, — ответила я.

Номер Павла Ларина нашёлся на странице гидрологического поста. Он был указан для обращений о старых промерах и береговых изменениях. Я подготовила короткое сообщение, но Олеся предложила позвонить: письмо о табличке, идущей против течения, могло сразу вызвать недоверие.

Перед звонком я выписала на отдельный лист три точки и источники координат. Рядом оставила пустое место для точности, которую мы пока не знали. Городская точка получилась самой слабой: вместо положения дома у нас была только школьная карта и архивный шифр.

Павел ответил после третьего гудка. Я представилась и начала с находок у моста. Он перебил, когда услышал слово «табличка».

— Что именно вы хотите проверить?

— Проходил ли старый проток от деревни К через Н к городскому берегу.

— Тогда нужны координаты, а не история предметов.

Я продиктовала точку трубы у насыпи, межевого знака в К и дома Николая Фомича. Павел запросил время фиксации и источник каждой координаты. Мы указали, что трубу снимали сами, знак проверяли с Анфисой, а дом стоит в действующем адресе.

— Городская точка есть? — спросил он.

— Табличку вынесло к мосту.

— Это место находки. Где стоял дом?

— По школьной карте — у старого выхода протока. Масштаб неточный. Есть архивный шифр.

Павел записал номер плана и сказал прислать только фрагменты без личных данных. Полную карту Саиды я не предлагала.

Он уточнил, кто переносил линии на рабочую схему. Я призналась, что делала это сама. Исходные снимки следовало прислать отдельно, не соединяя в готовый рисунок. Иначе Павел не увидит, где заканчивается карта и начинается моя версия.

Затем он спросил об уровне воды у моста. Я назвала время съёмки и показала Олеся фотографию опоры.

— Высота тёмной отметки над нынешней водой? — уточнил Павел.

— Есть общий снимок.

— Масштаб рядом есть?

Я посмотрела на пустые руки Настасьи Петровны на фотографии. Ни линейки, ни известного по размеру предмета у полосы не было.

— Нет. Можем измерить сейчас.

— Сейчас получите другое время. Измерьте всё равно, но вчерашний уровень по этому кадру точно не восстановить.

Пропуск оказался простым. Мы два дня смотрели, как табличка возвращается к одной точке на опоре, и не измерили след воды. Для рассказа кадра хватало. Для гидролога — нет.

Я перешла к линии на картах. Павел вернул разговор к подписям и годам. Я прочитала «старый проток» на школьной копии, номер трубы на кальке и заголовок обходного листа. Затем назвала даты планов.

Он задал несколько дополнительных вопросов о состоянии трубы и месте находки таблички в К. Я отвечала только тем, что видела сама. Показания Анфисы и Николая Фомича

отмечала отдельно. Такая форма разговора казалась медленной, зато ни один удобный вывод не проходил под видом измерения.

В трубке стало тихо. Слышались клавиши.

— Такая линия была, — сказал Павел. — Старый отвод проходил от К к городскому берегу. После строительства дороги его участки засыпали.

— Значит, мы нашли проток.

— Вы нашли совпадение старых планов с тремя точками. Состояние протока надо проверять на месте.

Олеся без слов показала на меня: лишнее существительное осталось у специалиста. Я сделала вид, что не заметила.

Павел объяснил, что современная модель считает эту полосу водно незначимой. На карте она проходит как суша с отдельными дренажными трубами. Старые промеры при этом показывали понижение, способное принимать часть весенней воды.

— Это опасно для деревень? — спросила я.

— По телефону не отвечу. Если труба забита, вода может искать другой ход. Но без уровней и нынешнего профиля это предположение.

— В погребе дома на линии появилась вода.

— Нужны время подъёма и повторные отметки. Один мокрый погреб ничего не доказывает.

Я назвала измерения Николая Фомича. Павел предложил продолжать их у одного кирпича и записывать точное время. Давать хозяину указания через меня Павел не стал: объяснил форму наблюдения, а решение оставил за ним.

Для серьёзной проверки Павлу требовались исходные карты. Снимки экрана и обрезанные фрагменты годились лишь для первого разговора. Мы договорились привезти разрешённую копию карты Саиды, школьные снимки и кальку Николая Фомича на гидрологический пост.

— Завтра утром сможете? — спросила я.

— Смогу после промера. Время подтверждаю вечером.

— Мы выедем заранее.

— Не выезжайте, пока не подтвержу. У нас сейчас меняется график каждый час.

Разговор закончился не ответом, а перечнем того, чего нам не хватало. Зато старый проток перестал быть только деревенским воспоминанием: его узнал специалист, который работал с прежними планами.

До темноты мы вернулись к мосту. На этот раз принесли рулетку и мел. Расстояние от нижнего болта опоры до нынешней воды составило сто восемь сантиметров. Тёмная полоса находилась выше, но её край размыло, поэтому мы записали диапазон и точное время нового замера.

Вчерашний уровень так восстановить не удалось. Зато следующую фотографию можно было сравнивать без догадок. Настасья Петровна поставила мелом маленькую метку у болта и написала время на листе, который остался в доме.

Мы вернулись в дом Настасьи Петровны. Она отказалась ехать в город и положила на стол новые обезличенные строки по нижней улице.

— Здесь людей ещё спрашивать, — сказала она. — Вода в городе без меня не потеряется.

Олеся решила ехать со мной. Она позвонила клиенткам и перенесла только завтрашние записи, не обещая району весь остаток недели.

Я сделала для Павла отдельную папку. В неё вошли координаты, старые планы и журнал измерений погреба. Имена жителей остались в закрытых версиях у тех, кому люди их доверили.

Свою схему с общей дугой я положила последней и подписала как рабочую версию, а не исходный документ. Исходные снимки остались отдельными файлами.

Ближе к вечеру Павел прислал время встречи на гидрологическом посту. Набережная, 17 оказалась городской точкой той же старой водной линии.

Глава 6. У воды своя карта

Павел подтвердил встречу в половине десятого, когда мы проехали деревенский поворот. Через семь минут он прислал второе сообщение: на посту изменился график, срочный промер закончится не раньше трёх. Я остановилась у заправки, показала экран Олеся и приготовилась услышать всё, что она думает о моём обещании уложиться в один день.

Она достала рекламную карточку своего салона. На обороте были записаны клиентки и время. Две записи Олеся перенесла на завтра, одну оставила на вечер следующего дня и провела под ней черту.

Я предложила переночевать у меня, утром сходить в архив и ехать обратно. Олеся напомнила, что архив нас ещё не ждал, а дорога могла закрыться раньше, чем мы закончим.

— Если завтра к двум не выедем, ты сама решаешь, остаёшься или возвращаешься автобусом.

Олеся согласилась и обозначила вторую границу: после восьми она не отвечает на деревенские звонки, кроме Настасьи Петровны и настоящей беды. По её опыту, фраза «ничего страшного» позволяла перезвонить утром. При беде люди говорили, куда ехать.

Я убрала телефон в сумку. В одной папке были исходные снимки, в другой — разрешённые копии. Моя схема с синей дугой лежала отдельно. После разговора с Павлом я зачеркнула на ней слово «исходник».

— Один день, — повторила я.

Олеся положила карточку на панель.

— Запишу обещание рядом с клиентками. Они хотя бы знают, что запись может сдвинуться.

Павел попросил не приезжать без звонка. Мы доехали до города и поднялись в мою квартиру. Тишка встретил нас в прихожей, обнюхал сумку и сел на ремень. В сумке рядом с папками хватило бы места только для хвоста, хотя кот явно рассчитывал забраться туда целиком.

Олеся разложила вещи и выбрала диван. Тишка занял его раньше, но после коротких переговоров отодвинулся к спинке. Кот явно собирался спать с той стороны, которая меньше ворочается.

Я отправила в архив запрос по шифру школьной карты. Ответ обещали дать в установленный срок. Павел прислал фотографию мутной воды у измерительной рейки и попросил ждать.

В деревенском чате обсуждали хозяйку Кнопки. Сосед настаивал, что место для козы в машине надо сохранить. Хозяйка ответила: сперва сядет сама, а Кнопка всё равно займёт место без согласования с районом. Олеся отключила уведомления и положила телефон экраном вниз.

— До восьми ещё далеко, — заметила я.

— Поэтому тренируюсь заранее.

Настасья Петровна по телефону назвала новую отметку у моста. Николай Фомич сам измерил воду в погребе: за утро прибавилось ещё два миллиметра.

— Время записали?

— Записали. Без тебя цифры не разбегутся.

Я внесла измерение и закрыла ноутбук. В половине четвёртого Павел назначил встречу на четыре сорок. У него был час до совещания по новому кварталу.

— За час он не проверит четыре карты, — сказала я.

— Тогда проверит одну вещь, а не всё сразу.

Без этого ограничения я бы понесла Павлу весь архив, включая бумаги, которые не имели отношения к воде.

Гидрологический пост стоял за складскими зданиями у городского берега. Навигатор привёл нас к закрытым воротам. На табличке был указан другой въезд, набережную перекрывала техника, а калитка находилась за серым контейнером.

— Очень открытое учреждение, — сказала Олеся, протискиваясь к проходу.

— Мы пришли требовать карту реки. Они имеют право спрятаться.

— Тогда контейнер выбран удачно.

Павел ждал в коридоре в высоких сапогах. На рукаве темнели брызги. Он отвёл нас в комнату с двумя столами. На одном стояли приборы в футлярах, на другом лежала большая карта под прозрачным листом.

Павел обозначил предел: он мог проверить старые материалы и собственные промеры. Официальную модель вела группа Виктора Лебедева, а у Павла были только выходные карты и часть полевых данных. Местоположение прежнего протока он готов был подтвердить, но современный риск обещал оценивать лишь после сравнения уровней.

Я напомнила, что ответ нужен людям. Павел снял сапоги у двери и поставил их на резиновый коврик.

— Людям особенно не нужен ответ, придуманный за пять минут.

Он попросил разложить документы по происхождению. Исходные снимки ушли к левому краю стола, разрешённые копии — в середину. Мою схему Павел оставил справа и положил сверху чистый лист.

На листе он написал: «известно», «предполагается», «неизвестно».

— Мы не на уроке, — сказала я.

— На уроке проще. Там в конце учебника есть правильный ответ.

Олеся попросила другую ручку, и Павел нашёл зелёную. Мне досталась синяя, что показалось несправедливым.

В графу «известно» внесли старый отвод от деревни К к городскому берегу. Его подтверждали две карты и водопропускная труба. Там же появились точки находок.

Я добавила туда положение таблички из К выше видимого потока. Павел отметил происхождение таблички как неустановленное. Он уточнил, что мой вывод «вода не могла вынести её туда» относится только к конкретному потоку и конкретному дню. Формулировка стала длиннее, зато точно отделяла факт от предположения.

Затем Павел выдал нам маленькие бумажные метки. На каждой велел написать не адрес, а происхождение координаты. Для таблички из К указали точку находки, для дома Николая Фомича — действующий адрес. У городской таблички пришлось оставить два места: мост, где её сняли, и бывший дом на школьной карте.

Я поставила все метки по своей схеме. Городская легла у моста и увела линию в сторону. Павел молча подвинул её к прежнему месту дома.

Павел заметил, что исходные данные надо хранить отдельно от красивой дуги. После исправления три старых адреса вытянулись вдоль понижения. Между ними оставались большие пробелы, зато направление совпало с планом промеров. Он измерил расстояния и записал масштаб. Совпадения хватало, чтобы искать сохранившиеся участки. Благодаря табличкам мы выбрали линию проверки, но состояние воды за нас они не измерили.

Затем он открыл старый план. Под прозрачным листом показалась полоса с высотами. Она шла от К через низину у N, затем поворачивала к городскому берегу. Современная дорога пересекала её дважды.

По его словам, до строительства дороги здесь проходил водный коридор, который весной принимал воду при подъёме основного уровня. Наша дуга шла почти так же, но масштаб был неточным, а трёх точек не хватало для всего профиля.

Он наложил современную карту. На месте понижения теперь была суша. Трубы обозначались отдельно, общей линии между ними не осталось.

Я показала на красную полосу прогноза. Она шла вдоль города и обрывалась перед сельскими отметками.

Я решила, что сельских данных на карте нет. Павел увеличил фрагмент и показал код сектора у границы. Точки не удалили, а объединили: выходная карта показывала среднее значение. Для человека с водой в погребе разница казалась формальной. Для расследования она была важной. Обвинение в удалении данных легко опровергалось исходной таблицей. Усреднение требовало другого вопроса: почему границы сектора выбрали именно так.

Олеся наклонилась к экрану и попросила проверить код для деревни К и нижней улицы N. Он совпал. К этому же сектору относился старый городской берег.

Три места, которые на прежних картах соединяла вода, современная модель тоже соединила, только одним средним числом. Сектор назывался «малонаселённым». Олеся напомнила о городских домах, я — о постоянно живущих людях в N. Павел ответил, что проверяет уровни и связь участков, а не население. Если он начнёт сам считать жильцов, то подпишет сведения, которых не устанавливал.

Мне не понравилось, как легко датчики отделились от домов, но спорить с границей его полномочий было нечем.

Он вернул каждое слово в границы своей работы. Это раздражало сильнее отказа: отказ можно было оспорить, точность приходилось принимать.

Павел открыл данные за последние трое суток. У городского поста уровень рос постепенно. В деревенском секторе линия была почти гладкой. Отдельные замеры в рабочей таблице менялись заметнее.

— Почему официальный график спокойнее? — спросила я.

— Среднее сглаживает пики. Если датчик возле жилых домов показывает резкий подъём, соседние точки могут скрыть его на общей линии.

— Тогда график плохо отвечает на вопрос конкретного дома.

— Для решения об эвакуации это используют?

Павел посмотрел на часы.

— Вопрос к проектной группе.

Ответ был правильным и удобным. Я представляла, как ответственность каждый раз остаётся в соседнем кабинете.

— Вы работали с этой моделью раньше?

— С исходными измерениями. Итоговую версию утверждал не я.

— Потому что не согласились?

Павел попросил журнал воды в погребе Николая Фомича. Вопрос оставил без ответа.

Мы сверили время. Пока было три отметки. В погребе вода прибавлялась позже, чем менялся уровень у моста. Павел сказал, что трёх отметок недостаточно.

— Река меняется не по расписанию, — объяснил он. — Но насосы и перекрытия работают по графику. При обратном подпоре задержка может повторяться после их включения.

Он развернул городскую схему. Ниже старого берега тянулась временная дамба нового квартала. Возле неё стояли две насосные станции.

— Объект уже работает? — спросила я.

— Частично.

— Почему подпор может быть выше?

Павел провёл карандашом вдоль берега.

— Дамба не обязана повышать уровень сама по себе. Но она меняет путь воды. Если старые трубы закрыты, часть потока может задерживаться выше. Это версия.

— В модели учтено?

— В той части, которую я вижу, старый коридор обозначен сушей.

— Значит, не учтено.

— Значит, я не вижу отдельного расчёта по нему.

Олеся спросила, можно ли проверить версию без полной модели.

— Поставить независимую отметку у выхода старого коридора и сравнить её с постом выше дамбы, — ответил Павел. — Но без разрешения на объект мы туда не войдём.

— Кто разрешает?

— Проектная группа. Завтра у Виктора Лебедева открытый брифинг.

Он написал адрес и время на обороте распечатки.

— Вы там будете? — спросила Олеся.

— Меня пригласили по полевым данным.

— Тогда почему не скажете про подпор?

Павел убрал карандаш.

— Предположение без расчёта превратят либо в панику, либо в удобную глупость. После этого настоящий вопрос никто не услышит.

— А если ждать слишком долго? — спросила я.

— Поэтому я сегодня ездил на промер.

Сотрудница поста заглянула в комнату и напомнила о совещании. Павел попросил ещё десять минут и открыл нижний ящик. Поверх старой папки лежала служебная записка без номера регистрации. Он попытался переложить её, но Олеся успела прочесть первую строку.

— Это про тот же сектор?

Павел достал лист обратно.

Записку он составил два года назад после весеннего подъёма. В ней говорилось, что усреднение сельских точек скрывает короткие пики у старого русла. Павел просил провести отдельные промеры до начала работ у нового квартала. Подпись стояла, отметки об отправке не было.

— Почему не отправили? — спросила я.

— Исправлял расчёт. Потом сроки изменились, запрос ушёл через другого специалиста.

— С тем же предупреждением?

— С более осторожной формулировкой.

Олеся спросила:

— Почему вы сейчас не подписываете предварительное предупреждение?

Павел сложил лист по старому сгибу.

— Несколько лет назад я передал прогноз по другому участку. Цифры были точными, но диапазон убрали из сводки. Оставили нижнюю границу. Я возразил устно и согласился ждать уточнения. Вода пришла раньше.

— Люди пострадали?

— Подтопило дворы и амбулаторию. Мне потом объяснили, что серьёзных последствий не было.

— И теперь вы ничего не отдаёте без полного расчёта, — сказала я.

— Я не отдаю фразу, которую можно обрезать до удобного смысла.

Павел однажды отступил и теперь ставил вокруг каждого вывода столько ограждений, что до него приходилось идти через три калитки. Я поняла его лучше и одновременно начала подозревать. Нынешняя опасность могла стать для него доказательством старой правоты.

— Вы с Лебедевым спорите? — спросила я.

— Я проверяю данные.

— Это не ответ.

— Это ответ, который относится к воде.

Олеся посмотрела на меня. Я пыталась добыть не сведения о протоке, а удобный мотив.

Павел положил передо мной бланк контрольных замеров. Он обвёл мост у N, провёл линию к выходу трубы и отметил два места рядом с городской дамбой.

— Этот перечень может подтвердить мою версию или опровергнуть её, — сказал он. — Если уровни не покажут связи, старый коридор не влияет на нынешний риск.

— Данные отгадите?

— После проверки приборов и без публикации отдельных значений.

— Опять без публикации.

— Вы хотите предупредить людей или выиграть спор сегодня вечером?

Я хотела и то и другое. Первое было легче произнести.

— Предупредить.

— Тогда запросите исходные данные у проектной группы. И потребуйте объяснить, почему три территории объединили в один сектор.

Перед уходом Павел открыл черновой профиль, который строил по сегодняшним отметкам. На одном участке линия поднималась быстрее расчётной, но рядом стояла пометка о возможной погрешности прибора.

— Это можно приложить к запросу? — спросила я.

— Нет. До повторной проверки это рабочее значение.

— Но именно оно заставит их ответить быстрее.

— Или позволит ответить, что вы распространяете непроверенные цифры. Завтра я повторю замер и либо подтверждаю точку, либо уберу её.

Я сфотографировала только перечень мест, а экран оставила без снимка. Быструю публикацию пришлось отложить ради данных, которые не рассыплются после первого возражения.

Павел набрал короткое заключение. Он подтвердил совпадение старых планов, указал, что нынешнее состояние коридора не установлено, и рекомендовал дополнительные измерения. Там не было ни угрозы прорыва, ни слов для громкого заголовка.

— Этого мало, — сказала я.

— Для вывода мало. Для официального запроса достаточно.

Олеся забрала лист раньше, чем я начала спорить.

— Значит, с него и начнём.

У калитки я спросила Павла, почему вход спрятан за контейнером.

— Ворота ремонтируют с осени.

— Почему нет стрелки?

— Была. Ветер унёс.

— И новую не сделали?

Он посмотрел на папку с адресами у меня под мышкой.

— Видимо, решили, что все нужные люди уже знают дорогу.

Олеся рассмеялась первой. Павел улыбнулся и вернулся к машине поста.

В квартире Тишка потребовал ужин с видом сотрудника, который весь день проверял городские уровни. Олеся насыпала корм, а я разложила на столе заключение Павла и приглашение на брифинг.

Я составила запрос проектной группе. Первым пунктом запросила исходные значения по сельским точкам, отдельно — границы сектора и расчёт влияния дамбы на верхний участок. Черновой профиль Павла в письмо не вошёл; вместо него я приложила подписанное заключение и карту будущих промеров.

Письмо получилось спокойным. Его нельзя было превратить в срочную новость, зато на него требовалось отвечать по существу. Я нажала «отправить» и почувствовала не облегчение, а досаду. Раньше мне казалось, что громкость ускоряет правду. Сейчас громкий текст дал бы удобный повод не обсуждать карту.

Утром я собиралась за один день получить ответ о протоке. К вечеру у нас был подтверждённый старый коридор, неизвестное состояние труб и версия о подпоре, которую ещё предстояло проверить.

Олеся достала рекламную карточку.

— Сначала брифинг?

— Сначала архив. Потом брифинг.

— В десять я звоню клиенткам и решаю, успеваю ли домой.

— Мы можем вернуться позже.

— Ты можешь. Я решу в десять.

Я открыла рот, чтобы сказать, что без Олеси городской берег будет сложнее проверять. Но утром сама назначила её участницей на неопределённый срок.

— Хорошо. В десять решаешь сама.

Тишка улёгся между папками и прижал лапой край карты. Я осторожно вытянула лист. На современной схеме дамба защищала новый квартал, а красная линия прогноза становилась почти горизонтальной там, где три разных берега превращались в одно среднее число.

В приглашении обещали объяснить готовность города к паводку. Утром мы должны были узнать, кто назвал этот сектор малонаселённым.

Глава 7. Малонаселённый сектор

Карточка архивного дела называлась «Проточная линия», а электронная база предлагала искать те же бумаги по словам «инженерная подготовка территории». Номер фонда совпадал, год тоже, но название изменилось так, что без старого шифра дело можно было искать до следующего паводка.

До открытия читального зала оставалось восемь минут. Олеся стояла у окна и переносила клиентку на субботу.

— Я вернусь сегодня, если дорога останется открытой, — сказала она. — Да, понимаю. Нет, вода не согласовала время с вашим отпуском.

Она отключила телефон и показала мне карточку с записями.

— До двух я с тобой. Потом решаю, еду домой или остаюсь ещё на ночь. Это расписание, а не обсуждение.

— Мы успеем.

— Ты вчера уже записала это в раздел неподтверждённых данных.

После разговора с Павлом у меня тоже появились внутренние разделы. В одном лежали факты, в другом — мои уверенные обещания. Второй заполнялся быстрее.

Нина Русанова вошла в архив за минуту до открытия. Я узнала её по фотографии из городского чата старого берега. На снимке она стояла перед строительным забором с плакатом. Сейчас плаката не было, зато под мышкой были зажаты две папки, а из сумки торчала деревянная линейка.

— Вы Вера? Хорошо, что приехали. Я подготовила запрос на все решения по кварталу.

— На все нам ничего не выдадут сегодня.

— Выдадут, если поймут, что мы знаем шифр.

Олеся посмотрела на линейку.

— Она тоже знает шифр?

— Она знает, когда карту уменьшили при печати.

После вчерашних трёх процентов мне этот ответ понравился.

Архивистка выслушала мой запрос и попросила назвать период. Я назвала десять лет. За это время успели изменить берег, построить квартал и несколько раз обновить паводковую схему. Архивистка сняла очки.

— За десять лет у вас получится не запрос, а переезд к нам. Что именно вы хотите установить?

Я объяснила про объединение деревень N и K со старым городским берегом. На действующей карте три территории относились к одному малонаселённому сектору. Нам требовался документ, которым это сделали.

— Тогда начните с исходной схемы и последующей редакции. Остальное закажете по ссылкам в деле.

Архивистка говорила без раздражения. Широкий запрос просто уходил на исполнение в установленный срок и мог спокойно пролежать месяц.

Нина выдвинула вперёд карточку.

— Фонд двенадцать, опись четыре, дело восемьдесят шесть. Старое название «Проточная линия». Есть пометка о приложении к плану защиты.

Архивистка проверила номер.

— Это точнее. Дело в хранилище. Если состояние позволяет, выдадим после обеда.

— Нам нужен сегодняшний день, — сказала Нина.

— После обеда тоже относится к сегодняшнему дню.

Олеся кашлянула в кулак. Я сделала вид, что изучаю правила работы.

Время до выдачи мы провели у рабочего компьютера. Нина открыла сохранённую копию действующей карты. Новый квартал был выделен ярким жёлтым цветом. Старый берег терялся на сером поле, а деревни N и K попадали в общий сектор с коротким кодом.

— Видите? Здесь раньше шли дома. Их объявили расселёнными, потом объединили с деревнями и получили почти пустую территорию. После этого квартал стал выглядеть безопаснее.

— Карта показывает сектор, но не причину объединения, — сказала Олеся.

— Причина стоит напротив. Новый квартал.

Нина произнесла это так, будто два изображения составляли признание. Я записала её версию. Она была простой, понятной и хорошо объясняла, кому выгодно исчезновение старого берега.

Олеся посмотрела в тетрадь.

— Ты записала версию или вывод?

— Версию.

— Тогда допиши это слово. У тебя почерк становится особенно уверенным, когда фактов не хватает.

Я подписала строку. Нина наблюдала за нами с недоумением.

— Вы всегда так работаете?

— Нет, — ответила Олеся. — Иногда она сначала публикует, потом мы обе взрослеем.

В половине одиннадцатого архивистка вынесла серую папку. На обложке сохранилось название «Проточная линия». Под ним карандашом приписали новый шифр.

Первый план сделали до строительства квартала. Старый городской берег отмечался отдельной полосой. У деревни N был свой номер участка, у K — другой. Между ними проходило понижение с водопропускными точками.

На листе дом № 17 стоял у выхода прежнего протока к берегу. Разрешённый фрагмент карты Саиды совпал с ним по изгибу линии и положению дороги.

— Вот, — сказала Нина. — Проток шёл под будущей застройкой. Они знали.

Мне захотелось согласиться. Старая схема делала версию Нины почти готовой: застройщик видел водный коридор, квартал построили, а прежние дома объявили пустыми.

Павел вернул бы такой вывод на шаг назад. Я проверила масштаб. Линия проходила рядом с границей квартала, но не под всеми домами. Дом № 17 находился у старого выхода, который сейчас занимала дорога.

— Схема подтверждает прежний проток, — сказала я. — Современное движение воды она не доказывает.

Нина закрыла колпачок ручки.

— Вам гидролог уже объяснил, что ничего нельзя доказать, пока вода не зайдёт в подъезд?

— Он объяснил, что для нынешнего риска нужны нынешние измерения.

Олеся провела линейкой по краю листа.

— Люди на старом берегу сейчас есть?

— Конечно. Дома признали расселёнными, а людей оставили по временным договорам.

— Сколько согласны разговаривать?

— Все хотят, чтобы их не выкинули.

— Это ответ на другой вопрос.

Архивистка принесла вторую часть дела. В бумажном приложении, утверждённом после начала проектирования, три территории по-прежнему оставались отдельными. У каждой был свой расчётный код. На действующей цифровой карте код был один.

Дата на бумажном листе не совпадала с датой файла на архивном компьютере. Архивистка объяснила, что цифровую копию пересохраняли. По свойствам файла нельзя установить, когда менялось содержание.

— А журнал загрузок есть? — спросила я.

— Историю цифровой системы запрашивают у владельца базы. Здесь хранится утверждённая бумажная версия.

Нина сразу назвала комитет, отвечавший за карту. Архивистка попросила не торопиться: владельцем мог быть подрядчик, а доступ предоставлял муниципалитет. Это следовало уточнить по договору сопровождения.

Мы заказали копии двух планов и листа с шифром. Нина хотела снять весь городской раздел, но возле домов стояли фамилии прежних владельцев.

— Эти люди давно умерли, — сказала она.

— Родственники живы.

— Фамилии есть в старых справочниках.

— Это не разрешение переносить их в публикацию.

Нина посмотрела на меня внимательнее.

— Вы собираетесь писать или закрывать белыми прямоугольниками всё важное?

— Писать. Но имена и действующие адреса без согласия не пойдут.

— Тогда опять скажут, что на берегу никто не живёт.

— Мы подтвердим число жителей. Имена для этого не нужны.

Олеся ждала, соглашусь ли я сама с правилом, которое применяла в деревнях. Нина неохотно кивнула.

— Хорошо. Сначала поговорим с людьми. Но без текста всё останется в папке.

— Текст будет после проверки.

— Эту фразу журналисты любят больше всего.

— Жители любят её больше, чем исправление после публикации.

В двенадцать мы вышли из архива с заверенными копиями. Олеся позвонила клиентам прямо на ступенях. Одну запись удалось перенести на вечер, вторую — на следующий день.

— До четырёх, — сказала она. — Потом едем домой, если дорога открыта.

— У нас ещё брифинг.

— У тебя брифинг. Я не обещала сидеть там ради стульев и правильных слов.

Нина предложила сперва заехать на старый берег. По её словам, там можно было увидеть пустой сектор без помощи архива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.